

При отсутствии родственников или иных лиц, следователь обязан поместить ребенка в соответствующее детское учреждение. Здесь существует отличие в понятиях «помещение» и передачи. Помещение предполагает устройство несовершеннолетнего для организации присмотра за ним и оказания помощи. Юридическим основанием для такого помещения законодатель отнес постановление следователя или судьи в случаях задержания, заключения под стражу, ограничения свободы родителей или иных законных представителей несовершеннолетнего (п. 4 ч. 13 ст. 13 Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних») [6]. Это нормативное установление позволяет решить проблему оперативной реализации требований ч. 1 ст. 160 УПК РФ.

Необходимо отметить, что специальные подразделения ПДН в ОВД включены в систему органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений, несовершеннолетних, которые и решают задачи по выявлению несовершеннолетних, нуждающихся в помощи государства (ст. 21 Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности»). Дети, оставшиеся без присмотра родителей отнесены именно к такой группе граждан.

Поэтому нельзя сказать, что только следователь в ходе расследования должен решать вопрос о необходимости отдачи несовершеннолетнего ребенка по передаче родственникам или иным лицам.

Допускается возможность выполнения функции по передаче несовершеннолетнего в детское учреждение возлагать на ПДН, путем направления поручения следователя руководителю УМВД.

В связи с вышесказанным, необходимо установить, что следователь будет обязан сразу же после принятия мер по устройству несовершеннолетнего уведомить соответствующий орган (органы опеки и попечительства) о детях, оставшихся без попечения родителей.

Далее, орган опеки и попечительства, как орган, на который возложена постоянная забота о несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей, обязан заниматься устройством таких несовершеннолетних в такие учреждения либо иным гражданам, чтобы в дальнейшем несовершеннолетний мог реализовать гражданские права.

И эта обязанность должна быть реализована либо одновременно, либо сразу после принятия мер по устройству несовершеннолетнего, предусмотренных ч. 1 ст. 160 УПК РФ. Только в этом случае интересы несовершеннолетних, будут обеспечены в полной мере. Лучше, если данная обязанность будет сформулирована непосредственно в ст. 160 КПК РФ.

Список использованной литературы

1. Дежнев А. Принятие мер попечения о несовершеннолетних детях, оставшихся без присмотра и помощи в связи с задержанием или заключением обвиняемого (подозреваемого) под стражу / А. Дежнев // Уголовных процесс. – 2010. – № 1. – С. 87.

2. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 15 декабря 2005 г. Дело № 58-о05-53. – Доступ из СПС «Консультант Плюс».

3. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М., 1996. – С. 552.

4. Пункт 7 правил внутреннего распорядка изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел, утверждены Приказом МВД РФ от 22 ноября 2005 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2005. – № 51.

5. Статья 30 Федерального закона РФ от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» // СЗ РФ. – 1995. – № 29. – Ст. 2759.

6. Статья 13 Федерального закона РФ от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // СЗ РФ. – 1999 – № 26.

7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. – М. : Омега-Л, 2014.

8. Об опеке и попечительстве : федер. закон РФ от 24 апр. 2008 г. № 48-ФЗ.

Информация об авторе

Осипова Татьяна Викторовна – доцент кафедры уголовного процесса Пятого факультета повышения квалификации (с дислокацией в г. Хабаровске) ИПК ФГКОУ ВО «Академия СК России», подполковник юстиции; e-mail: saxara.6363@mail.ru.

Author

Osipova Tatiana Viktorovna – associate Professor of the Department of criminal proceedings of the Fifth faculty professional development (with its location in the city of Khabarovsk) IPK FGCO IN the Academy of the UK Russia», the Colonel of justice; e-mail: saxara.6363@mail.ru.

УДК 343.9

Т.М. Судакова

БЕДНОСТЬ В ДЕТЕРМИНАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ (НЕКОТОРЫЕ КРИТЕРИИ)

Статья посвящена характеристике основных проявлений бедности в современной России как криминогенному фактору, обладающему высокой степенью криминогенности. Обозначены масштабы этого явления и его качественные особенности.

Ключевые слова: криминогенный фактор; бедность; детерминация преступности.

T.M. Sudakova

POVERTY AS A FACTOR IN DETERMINATION OF CURRENT CRIMINAL SITUATION (SOME CRITERIA)

This article features main poverty characteristics in modern Russia as one of the criminal activity factors of high criminogenic risk. In this article we look into scale of this situation and its quality features and peculiarities.

Keywords: criminogenic factor; poverty; determination of criminality.

Статистические тенденции развития преступности в России в течение последних восьми лет, начиная с периода 2007 г., приобрели устойчивый, стабильный характер. Официальные данные МВД России фиксируют отрицательные темпы прироста годового объема преступности, ежегодно сокращающиеся, но отличающиеся постоянством. Не исключением стали и абсолютные показатели развития преступности в России 2014 г., когда преступность сократилась еще на 1,8 %, по сравнению с аналогичным периодом прошлого года [10].

Сокращение удельного веса тяжких и особо тяжких преступлений в общем массиве зарегистрированных характерно структуре современной преступности. Продолжающееся существенное уменьшение показателей выявляемости преступлений, совершенных организованными группами и преступными сообществами (-18,7%), при снижении их удельного веса в общем числе расследованных преступлений этой категории, сокращение показателей раскрываемости преступлений, в том числе прошлых лет, отражает современные тенденции преступности [10].

Следует констатировать, что отрицательные значения показателей преступности в статистической отчетности правоохранительных органов, по многим ее важнейшим критериям, стали закономерностью.

Каковы предпосылки такой стабилизации преступности в России в целом и ее федеральных округах и насколько реалистична картина преступности в ее официально отраженных тенденциях?

Сегодня ответ на данный вопрос является предметом исследований криминологов, пытающихся установить взаимообусловленность закономерностей развития российской преступности явлениями социально-экономической действительности, происходящими, прежде всего, в России. Вполне резонно возникает вопрос о возможном наличии процессов нейтрализации, устранения многих или некоторых криминогенных явлений и процессов, причинно связанных с преступностью.

Результаты исследований, вместе с тем, свидетельствуют преимущественно об отсутствии социальных предпосылок снижения как преступности в целом, так и ее отдельных и наиболее опасных форм [3].

Сложный характер причинности преступности, отсутствие непосредственных, однозначных зависимостей между явлениями общественной жизни, эффективностью социально-правового контроля и динамикой преступности как в мире, так и в масштабах конкретного государства – общепризнанный научный факт.

Вместе с тем в механизме разнообразных по характеру, содержанию, уровню функционирования криминогенных факторов, действующих системно, традиционно выделяется их взаимосвязанная совокупность, тесно коррелирующая с преступностью и ее динамикой. Объективные социальные противоречия, играющие социально регрессивную роль, в их конкретных проявлениях на том или ином этапе развития общества и обладающие разной степенью криминогенности, выступают в роли общих причин преступности [7].

Деформированность экономических отношений, политическая нестабильность, социальные проблемы общества, нравственно-психологические и правовые деформации выступают, как известно, криминогенными детерминантами, продуцирующими преступность.

Среди социальных и экономических проблем общества категория социальной несправедливости рассматривается в качестве одного из ключевых факторов порождения преступности [4]. Речь идет не просто о существовании социальной несправедливости, поскольку в любом обществе ее присутствие неотъемлемо, а о степени ее развитости и, соответственно, криминогенности. Именно высокий уровень социально-экономического неравенства социальных групп, характеризующийся как «существенный разрыв», обладает серьезным криминогенным потенциалом. Кардинальное несоответствие уровня жизни, социальная дифференциация населения по уровню доходов, доля малообеспеченных слоев населения, коэффициент Джини, зона бедности – подобные терминологические понятия используются представителями разных наук для характеристики современного состояния общества с позиции такого системообразующего критерия, как удельный вес населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума, населения бедного.

Криминогенность бедности не проявляется сама по себе, самостоятельно, она проявляется через сложную и системную совокупность негативных явлений, находящихся в постоянном взаимодействии между собой и в определенных сочетаниях с другими явлениями социальной действительности.

Вместе с тем снижение степени криминогенности бедности непосредственно обусловлено снижением ее актуальности, как в количественных масштабах, так и по характерным особенностям качественных проявлений.

Существенные экономические и социальные преобразования, произошедшие в России в последние двадцать лет, способствовали массовому обеднению населения и появлению феномена так называемой «новой бедности». Сегодня понятийный аппарат изучения этого феномена развивается, что вызвано и продолжающейся актуализацией проблемы бедности в России. Серьезные научные исследования, базирующиеся на обширном эмпирическом материале, позволяют свидетельствовать не только о фактическом расширении зоны бедности, но и о качественных негативных изменениях этого состояния, о появлении новых ее категорий [1].

Официальные оценки состояния бедности населения базируются, как известно, на основе его распределения по уровню среднедушевых денежных доходов и является результатом суммирования числа лиц, чьи денежные доходы ниже величины прожиточного минимума. Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума определяется в процентном отношении к общей численности населения.

По данным Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области (далее ИО), удельный вес бедного населения на данной территории практически стабильно снижался в течение предшествующих десяти лет. Если в 2003 г. он составлял 31,1%, то к 2013 г. составил 17,2 % [7]. Официальная статистика показывает, таким образом, сравнительно невысокий процент населения, относящийся к бедным слоям населения в ИО. При этом регион ИО, наряду с четырьмя другими субъектами СФО относятся к относительно благополучным регионам, где уровень жизни населения превышает среднероссийский уровень доходов населения. Вместе с тем, в 13 субъектах СФО за чертой бедности проживает около половины населения, по данным той же официальной информации [6].

В России сегодня практически каждый шестой гражданин живет у черты бедности, при этом, согласно официальной статистике, постоянное снижение доли данных лиц среди всего населения также наблюдается и в масштабах всего государства [1].

Эксперты отмечают актуальность проблемы бедности почти для половины населения страны, при относительном приросте доли так называемых бедных «по лишениям», формально не относимых к такой категории, в отличие от бедных «по доходам» [2].

Экономическая теория, используемая «коэффициент Джини» или индекс концентрации доходов для статистической оценки неравенства в распределении доходов населения, отражает беспрецедентный показатель неравенства в России, который еще в 2007–2009 гг. составлял 0,423. При этом, при индексе Джини $>0,2$ распределение богатства оценивается как крайне неравномерное [8, с. 31].

Анализ бедности в современной России позволил ученым выделить виды малообеспеченных слоев населения, для каждого из которых характерны свои особенности с позиции их социально-демографических признаков, нравственно-психологических особенностей, в том числе выступающих в роли причин индивидуального преступного поведения. Затяжная, бессрочная, конструктивная бедность имеют свою специфику, однако всем этим видам характерно не только неравенство доходов, но и принципиальное отличие в качестве жизни, характере и условиях труда, уровне образования и культуре [1].

Появившаяся сегодня в науке терминология «застойная бедность», как полагают авторы, отражает определенный жизненный уклад. Это сформированная качественно новая социальная группа, проживающая в тяжелых условиях, с длительным пребыванием в этом состоянии, сопряженном с многолетней нехваткой денежных средств. Проявляется она также через высокие показатели незанятости, неквалифицированными рабочими местами, совместным проживанием нескольких поколений, высокой долей незарегистрированных браков и т.п. [9].

Жизнь в тяжелых условиях формирует нетипичные для остального общества методы удовлетворения типичных (базовых социальных и физических) потребностей. Девиантность такой категории населения, безусловно, также имеет специфику. Как отмечают специалисты, им свойственна, к примеру, иная практика употребления алкоголя, а ее присутствие детерминирует и некоторые особенности механизма формирования криминогенной мотивации [9].

Широкая распространенность бедности в России среди работающих свидетельствует об отсутствии гарантий на защиту от бедности наличием работы. Доходы пятой части работающих бедных не превышают 7 тыс. р. [2].

Осложнена проблема бедности в России и особенностями восприятия неравенства самими бедными, которому, как свидетельствуют эксперты, также свойственно ухудшение. Общее состояние тревожности, пессимизм и негативизм бедных остается важнейшим показателем нравственно-психологического климата данной группы. Неверие в то, что российское общество сможет стать справедливым, свойственно более 70 % бедных [2].

Таким образом, проблема бедности, неравенств и справедливости по своим масштабам и качественным преломлениям приобретает признаки дальнейшего негативизма в российском обществе, а это, в свою очередь, свидетельствует о продолжающейся актуализации данного криминогенно значимого явления.

Список использованной литературы

1. Антонян Ю.М. Бедность как криминогенный фактор / Ю.М. Антонян, М.В. Гончарова, С.В. Маликов // Lexrussia (русский закон). – 2014. – № 4. – С. 450–468.

2. Бедность и неравенства в современной России: 10 лет спустя [Электронный ресурс] : аналит. докл. / Вестник Института социологии: Сетевой научный журнал / науч. ред. Н.Н. Никс. – Режим доступа: <http://www.vestnik.isras.ru>.

3. Волконская Е.К. Закономерности статистических показателей современной криминальной ситуации в России и их соотношение с факторами, влияющими на преступность / Е.К. Волконская // Российский следователь. – 2014. – № 13. – С. 42–46.

4. Гишинский Я.И. Социально-экономическое неравенство как криминогенный фактор (от К. Маркса до С. Олькова) / Я.И. Гишинский // Экономика и право / под ред. А. Заостровцева. – СПб., 2009. – С. 169–188.

5. Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://irkutskstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/irkutskstat/resources/499b4f00471e64cd987fb887789c42f5/февраль.pdf.

6. Край поголовной бедности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://idea.ru/creative/page/news-10572>.

7. Номоконов В.А. Причинный комплекс преступности в современной России / В.А. Номоконов // Российский криминологический взгляд. – 2009. – № 1. – С. 201–209.